

Юрген Хабермас ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СИСТЕМОЙ И ЖИЗНЕННЫМ МИРОМ' В УСЛОВИЯХ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Критическое рассмотрение теории стоимости позволяет включить динамичный процесс накопления, ставший самодостаточным, в модель взаимоотношений, складывающихся между «системой» (экономикой и государством), с одной стороны, и «жизненным миром» (частной и общественной сферами) — с другой (см. схему 1). Эта модель позволяет избежать односторонне экономистской интерпретации развития общества, сосредоточить внимание на взаимодействии государства и экономики и таким образом выявить основные характеристики политических систем развитых капиталистических обществ.

В данном разделе я хотел бы: показать те теоретические изъяны, которые мешают марксизму интерпретировать поздний капитализм и особенно государственное вмешательство, массовую демократию и государство всеобщего благоденствия.

Государственное вмешательство. Если принять за основу модель, в рамках которой существуют две взаимодополняющие подсистемы (экономика и государство), то теория кризисов, будучи сформулированной только в экономических терминах, окажется несостоятельной. Даже если возникающие в рамках системы проблемы вызваны в первую очередь процессом экономического развития, неизбежно сопровождаемого кризисами, экономическое неравновесие, возникающее в хозяйстве, может корректироваться благодаря вторжению государства в функциональное пространство рынка. Однако замещение рыночных функций государственными возможно лишь при безусловном сохранении суверенных прав частных предпринимателей в области инвестирования. Если бы власть использовалась для регулирования процесса производства, то экономическое развитие лишилось бы своей собственно капиталистической динамики, а хозяйство пришло бы в упадок. Нельзя допустить, чтобы государственное вмешательство нарушало принцип разделения труда между экономикой, зависящей от рынка, и непродуктивным в экономическом отношении государством. Во всех трех основных сферах (военное и организационно-правовое обеспечение условий существования способа производства; влияние на деловой цикл и забота о развитии инфраструктуры, благоприятствующей воспроизводству капитала) государственное вмешательство выступает в форме косвенного воздействия на граничные условия принятия решений частными предпринимателями, и, в случае необходимости, предотвращения или смягчения возникающих в ходе его действий побочных эффектов. Движущий механизм хозяйства, управляемого деньгами, диктует именно такой ограниченный способ использования административной власти.

Институциональный порядок жизненного мира	Отношения обмена	Опосредованно управляемые подсистемы
Частная сфера	1) M' Рабочая сила G Трудовые доходы 2) G Товары и услуги G' Спрос	Экономическая система
Общественно-политическая сфера	1a) G' Налоги M Организационная деятельность 2a) M Политические решения M' Лояльность масс	Система власти

Схема 1. Отношения между системой и жизненным миром с точки зрения системного анализа

(G — опосредование через деньги; M — опосредование через власть)

Следствием этой структурной дилеммы явилось то, что обусловленные экономикой кризисные тенденции не только подвергаются административному воздействию, смягчаются и приглушаются, но и сами непроизвольно переносятся в административную систему действия. Здесь они могут принимать различные формы: например, конфликта между целями политики в области конъюнктуры и инфраструктуры; перерасхода ресурсов (государственная задолженность); излишнее увлечение бюрократическим планированием и т. д. В то же время это может привести к выработке новых стратегий преодоления кризиса с целью переноса всей тяжести проблемы назад, в систему экономики. Клаус Оффе пытался объяснить в первую очередь именно этот сложный механизм кризисных процессов, имеющих форму колебаний, переходящих из одной подсистемы в другую или из одного состояния в другое, и маневров по их преодолению (Offe, 1972).

Массовая демократия. Если исходить из модели с двумя системами управления, то есть с помощью денег и власти, то экономическая теория демократии, сформулированная в терминах марксистского функционализма, представляется весьма несовершенной.

Сравнивая оба метода управления, мы видим, что власть требует более глубокой институционализации, чем деньги. Деньги укореняются в жизненном мире через институты буржуазного частного права, поэтому теория стоимости может отталкиваться от договорных отношений между наемными работниками и владельцами капитала. Напротив, для осуществления властных полномочий недостаточно создать общественно-правовой аналог организации управления, существующий в экономической системе (я имею в виду законодательное регулирование публичной сферы), помимо этого существует необходимость легитимации господствующего порядка. А в условиях рационального общества, для которого характерна высокая степень индивидуализации субъектов, с нормами, которые стали абстрактными, безусловно позитивными и нуждающимися в подтверждении, и традициями, рефлексивно и коммуникативно размытыми в части требований, предъявляемых к власти, — легитимации можно достичь в основном демократическими методами политического волеизъявления (Habennas, 1976, S.271ff). В этом смысле и организованное рабочее движение, и движения за права граждан преследуют одни и те же цели. В результате процесс легитимации упорядочивается — опираясь на принципы свободы слова и организаций и многопартийной системы — в форме свободных, тайных и всеобщих выборов. Конечно, структура накладывает определенные ограничения на участие граждан в политическом управлении.

Между капитализмом и демократией устанавливаются тесные, но напряженные отношения. В этом противостоянии задействованы два противоположных принципа социальной интеграции. Современные общества, исходя из самопонимания, выраженного в принципах демократических конституций, утверждают примат жизненного мира над подсистемами, которые вычленились из их организационных структур. Нормативный *vmixui* демократии сводится к следующей теоретической формуле: интегрированные в системы действия должны функционировать, не нарушая целостности жизненного мира, то есть сферы действия должны занимать подчиненное положение по отношению к социальной целостности. В то же время динамика развития капиталистического хозяйства сохраняется только в той мере, в какой процесс накопления активнее процесса потребления. Ограничения, защищающие жизненный мир, а также требования легитимации, связанные с действиями административной системы, не должны, по возможности, затрагивать движущего механизма хозяйственной системы. Внутренняя логика системы капитализма сводится к следующей теоретической формуле: системно интегрированные сферы действия должны, если потребуется, функционировать даже ценой технизации жизненного мира. Системный функционал

изм Лумаиа незаметно преобразует этот практический постулат в теоретический, тем самым до неузнаваемости изменяя его нормативное содержание.

Напряженные отношения между капитализмом и демократией, обусловленные конкуренцией между двумя противоположными принципами социальной интеграции, с помощью парадокса описывает К. Оффе: «Капиталистические общества отличаются от всех других обществ не способом собственного воспроизводства, то есть согласованности принципов целостности и системности общества, но тем, что эта основная для всех обществ проблема решается одновременно двумя логически взаимоисключающими способами: полным вычлениением, то есть приватизацией производства, и его политизацией или обобществлением. Обе стратегии перекрещиваются и обоюдно нейтрализуются. В результате система неизменно сталкивается с дилеммой: она должна абстрагироваться от нормативных правил действия и смысловых отношений субъектов и в то же время не в состоянии сделать этого. Политическая нейтрализация сфер труда, производства и распределения утверждается и опровергается одновременно (Offe, 1979, S.315). Этот парадокс выражается еще и в том, что партии, если они приходят к власти или хотят ее сохранить, должны одновременно завоевать доверие масс и частных инвесторов. Оба императива сталкиваются прежде всего в общественно-политической сфере, где автономия жизненного мира должна быть защищена от действий административной системы. «Общественное мнение», охраняющее жизненный мир, имеет смысл, отличный от точки зрения государственного аппарата, выражающего интересы системы (Luhmann, 1971, S.9ff). Социология политики концентрирует внимание либо на одном, либо на другом, разрабатывая соответственно теорию поведения и теорию систем. В зависимости от выбора используется концепция плюрализма, критики идеологии или авторитаризма. Итак, с одной стороны, общественное мнение, выявленное в процессе опросов, или воля избирателей, партий и союзов считаются плюралистическим выражением общих интересов. При этом общественное согласие рассматривается как первое звено в процессе формирования политического волеизъявления и как основа легитимации. С другой стороны, то же согласие считается результатом достижения легитимации, или последним звеном в процессе обеспечения лояльности масс. Лояльность позволяет политической системе обрести независимость от ограничений, налагаемых принципами автономии частной и общественной сфер жизни. Оба варианта интерпретации ошибочно противопоставляются друг другу как нормативный и эмпирический подходы к демократии. Фактически же каждая точка зрения затрагивает лишь один аспект массовой демократии. Процесс волеизъявления, происходящий под влиянием партийной борьбы, есть результат и того и другого: с одной стороны, интенсивного развития коммуникативных процессов формирования ценностей и норм, с другой — организационных усилий политической системы.

Политическая система обеспечивает лояльность масс как конструктивным, так и селективным способом. В первом случае, выдвигая проекты социальных программ на государственном уровне, во втором — исключая из публичных дискуссий определенные темы и сообщения. Последнее достигается с помощью либо социально-структурных фильтров доступа к формированию общественного мнения, либо деформацией структур общественной коммуникации с помощью бюрократических методов, либо манипулированием потоками информации.

Взаимодействием этих переменных объясняются существенные расхождения между символическими презентациями позиций политических элит и реальными процессами принятия решений в рамках политической системы (Edelmann, 1964; Sears et al., 1980, p.670ff). Этому соответствует и вычлениение роли избирателя, к которой, в общем, и свелось участие в процессах политического управления. Принятое в результате выборов решение определяет в целом только персоналии руководящего состава, а его мотивы оказываются за пределами дискурсивного контекста,

воздействующего на волеизъявление. Такой механизм нейтрализует возможности политического участия, которые в правовом отношении открыты для гражданина государства.

Государство с развитой системой социальной защиты. Если исходить из модели отношений обмена между формально организованными подсистемами экономики и политики, с одной стороны, и коммуникативно структурированными сферами частной и общественной жизни — с другой, то следует учитывать, что проблемы, возникающие в области общественного труда, переносятся из сферы частной в сферу общественной жизни. Таким образом, развитая система социальной защиты становится политическим содержанием массовой демократии. Отсюда следует, что политическая система не может полностью освободиться от ориентации граждан на потребление. Она также не в состоянии добиться беспредельной лояльности масс и поэтому для придания легитимности своим действиям должна предлагать государственные и социальные программы, выполнение которых подлежит контролю.

Все это заходит настолько далеко, что основной эмпирический вопрос, который коренным образом затрагивает нормативное самопонимание массовой демократии, обычно не проникает в обыденное политическое сознание, «...идет ли речь о результате соглашения, которое признается свободным от всякого влияния и тем самым легитимизируется в процессе, протекающем в определенных организационных рамках, или о том, что этот процесс сам порождает пассивную лояльность масс (которые вынуждены в большей или меньшей степени мириться с его институциональными ограничениями), и тем самым укрепляется благодаря создаваемому им самим мнимому демократическому выражению всеобщей поддержки» (Nagel und Offe, 1975, S.28).

Основной реформистской политики стала правовая институционализация коллективных переговоров. Механизм коллективных переговоров, использующий развитую систему государственной социальной защиты, оказался эффективным средством регулирования классового конфликта. Трудовое и социальное законодательство предусматривает надлежащие меры для страхования и обеспечения существования наемных рабочих и уравнивает рыночные позиции более слабых в структурном отношении слоев (наемных работников, арендаторов, потребителей и т. д.). Социальная политика ликвидирует крайние диспропорции и проявления незащищенности, не затрагивая, однако, обусловленного структурой неравенства собственности, дохода и власти. Но государство с развитой системой социальной защиты в своих установках и стремлениях ориентируется не только на достижение социального равновесия с помощью выплаты индивидуальных компенсаций, но и на преодоление и предотвращение неблагоприятных для всего общества ситуаций, например в областях, связанных с экологией. К подобным действиям по социальной защите относятся меры охраны экологии городов, энергетическая политика и забота о гидроресурсах, защита окружающей среды, а также поддержка здравоохранения, культуры и образования.

Однако политика, направленная на развитие государственной системы социальной защиты, оказывается перед дилеммой. На финансовом уровне она сводится к игре с нулевой суммой между государственными расходами на меры социальной защиты, с одной стороны, и затратами на стимулирование предпринимательства и совершенствование инфраструктуры с целью обеспечения экономического роста — с другой. Дилемма состоит в том, что государство с развитой системой социальной защиты неизбежно переносит непосредственно на жизненный мир как негативные воздействия капиталистически организованной системы занятости, так и дисфункциональные побочные последствия экономического развития, регулируемого процессом накопления капитала. При этом оно не смеет изменить форму организации, структуру и механизм хозяйственного производства.

Государство с развитой системой социальной защиты не может нарушать условия стабильности и требования мобильности капиталистического развития именно потому, что вмешательство в

систему распределения социальных компенсаций с целью ее корректировки только тогда не вызывает ответных реакций со стороны привилегированных групп, когда оно компенсируется приростом общественного продукта, не затрагивающим распределения уже имеющегося богатства. В противном случае меры по социальной защите не могут выполнять функцию сдерживания и предотвращения классового конфликта.

Таким образом, не только налоговые ограничители влияют на объем государственных расходов на социальные нужды, но и структура государственных социальных расходов, и организация социальной помощи подчиняются императиву структуры взаимоотношений между формально организованными сферами действия и их социальной средой, реализуемых с помощью денег и власти.

Какое определение понятия «жизненный мир» с точки зрения автора текста Вы могли бы дать?